

“Закон рынков Сэя” в творчестве противников доктрины экономического либерализма и в учении К. Маркса и его последователей

© 2010 В.В. Остроумов

Всероссийский заочный финансово-экономический институт

E-mail: OET2004@yandex.ru

В статье рассматривается “закон рынков Сэя” в творчестве отвергавших его ученых-экономистов. Подчеркнуто, что критика “закона рынков Сэя” в творчестве противников доктрины *laissez faire* обусловила возникновение многих теоретико-методологических нововведений, ставших содержательной основой для последующих научных изысканий в области теории и практики хозяйственной жизни на протяжении XIX и XX столетий.

Ключевые слова: “закон рынков Сэя”, доктрина экономического либерализма, учение К. Маркса.

“Закон рынков Сэя” (вплоть до окончательного его развенчания в 30-е гг. XX в. Дж.М. Кейнсом) отвергали экономисты-романтики и социалисты-утописты. Но если следовать терминологии Дж.К. Гэлбрейта, согласно которому до возникновения кейнсианского учения “экономистов” от “дураков” можно было отличить лишь “принятием или непринятием” ими “закона Сэя”, то может возникнуть впечатление, будто ни С. Сисмонди и П. Прудон (родоначальники экономического романтизма), ни Р. Оуэн, К. Сен-Симон и Ш. Фурье (родоначальники утопического социализма) не являются “экономистами”.

Позиция Дж.К. Гэлбрейта по отношению к названному противником “закона Сэя” является, разумеется, аллегорией, как и, кстати, позиция Дж.М. Кейнса, относившего всех либеральных экономистов (т.е. тех, кто разделял “закон Сэя”) к числу “классиков”. Сложившаяся ситуация, с нашей точки зрения, объясняется тем, что, по убеждению Дж.К. Гэлбрейта и близких ему исследователей, таких ученых, как, скажем, С. Сисмонди или Р. Оуэн, П. Прудон или Ш. Фурье и др., кто не приемлет принципы *laissez faire* и, соответственно, “закон Сэя”, уместно относить скорее к представителям социологии, политологии либо социалистической идеологии, чем к ученым-экономистам.

Что же касается К. Маркса и последователей его учения, об отрицательном отношении которых к “закону Сэя” также пойдет речь ниже, то эти либеральные экономисты, отвергая данный сэевский “закон”, имели принципиальное убеждение в том, что, во-первых, любой “закон капитализма” не вечен и имеет преходящий характер и, во-вторых, что такие “буржуазные вульгарные” политэкономы, как Ж.Б. Сэй или Т. Мальтус, способны лишь вульгаризировать и извратить научные основания “буржуазной классической политической экономии”.

Необходимо подчеркнуть, что критика “закона рынков Сэя” в творчестве противников доктрины *laissez faire* обусловила возникновение многих теоретико-методологических нововведений, ставших содержательной основой для последующих научных изысканий в области теории и практики хозяйственной жизни на протяжении XIX и XX столетий. Благодаря этой достаточно аргументированной и обоснованной с позиций неабсолютизации принципов *laissez faire* критике сэевского “закона” экономическая наука обрела весьма значимые и в наши дни наработки, содержащие концептуальное осмысление предпосылок и существенных проявлений экономических кризисов и реформаторские идеи обеспечения социальной направленности хозяйственной жизни, в том числе посредством противопоставления порождающему анархию и хаос либеральному механизму хозяйствования и проектов всемерного развития малых форм бизнеса и предпринимательской деятельности.

Так, например, положившие начало экономическому романтизму С. Сисмонди и П. Прудон, критикуя и отвергая в своих трудах “закон рынков Сэя”¹:

- смогли обосновать многочисленные неопровержимые доказательства несостоятельности смитианских идей об “экономическом человеке” и “невидимой руке”, т.е. гарантированного в условиях экономического либерализма гармоничного и поступательного развития экономики и автоматической саморегуляции хозяйственного механизма;

- характеризовали возникновение кризисов в постмануфактурной экономике развитых стран той эпохи не как случайное явление, а как имманентное свойство хозяйства, организованного на принципах *laissez faire*;

- противопоставили “классической школе” концепции социально-экономических реформ,

отдельные положения которых не утратили своей актуальности вплоть до настоящего времени.

В частности, С. Сисмонди, заявлявший в “Новых началах” в адрес всех своих либеральных оппонентов, которых он называл “экономистами”, о том, что политическую экономию следует характеризовать и воспринимать как “моральную” и “нравственную” науку², полагал, что³:

- хотя изобретение машин, увеличивающих силы человека, и является для человека благодеянием, однако несправедливое распределение прибыли, доставляемой ими, превращает машины в бич для бедняка;

- вследствие концентрации имуществ у небольшого числа собственников внутренний рынок все более и более сокращается и промышленности все более и более приходится искать сбыта на внешних рынках, где ей угрожают великие сотрясения;

- все страны, где производство превышает потребление, устремляют свои взоры на внешний рынок, тогда, быстро опережая потребление, производство порождает жестокие бедствия.

Это родоначальник экономического романтизма, который волею судеб лично встречался со своими либеральными оппонентами Д. Рикардо, Т. Мальтусом и Ж.Б. Сэем. Он, как пишет М. Блауг⁴:

- убежденный в том, что новая индустриальная система обречена на неизбежные повторяющиеся кризисы и хроническую тенденцию недопотребления, был особенно обеспокоен экономией живого труда вследствие технического прогресса;

- не видел другого решения этой проблемы кроме глубокого государственного вмешательства, включая:

- а) гарантированную минимальную плату как для работающих, так и для безработных;

- б) ограничение максимального рабочего времени;

- в) ограничение максимального и минимального трудоспособного возраста;

- г) введение системы участия в прибылях.

Через призму данных критических суждений и реформаторских идей, замечает М. Блауг, С. Сисмонди, по сути, предвосхищает постулаты неприятия “закона рынков Сэя” в творчестве Т. Мальтуса в части общности их видения экономических кризисов не как частных, а как общих явлений. Более того, своими “Новыми началами” С. Сисмонди, по Блаугу, “оказал глубокое влияние на работу Мальтуса “Принципы политической экономии” (Principles of Political Economy, 1820)”, поскольку в обеих книгах имеет место⁵:

- один и тот же акцент на том, что мы назвали бы в наше время недостаточным совокупным спросом;

- одна и та же тенденция к отказу от системы сравнительной статистики и к рассмотрению понятия совокупного спроса с динамической точки зрения как вопроса воспроизводства потоков данного периода в следующем периоде.

И, подытоживая сравнение критической интерпретации “закона рынков Сэя” в трудах С. Сисмонди и Т. Мальтуса, М. Блауг заключает: “На самом деле, дух кейнсианства в работе Сисмонди значительно сильнее, чем в работе Мальтуса. Кейнсу следовало бы провозгласить своим предшественником именно Сисмонди, но не Мальтуса”⁶. Вместе с тем этот вывод английского историка экономической мысли представляется необходимым дополнить еще и тем аргументом, что как раз С. Сисмонди, а не Т. Мальтус должен был бы восприниматься Дж.М. Кейнсом в качестве своего предшественника, так как именно он, как никто до него, исключал мысль не только о случайном характере возникновения экономических кризисов, но и о невозможности их предотвращения без государственных мер по вмешательству в экономику и придания ей социальной направленности.

В свою очередь, П. Прудон, как и С. Сисмонди, отторгавший в своем творчестве “закон рынков Сэя”, ратует за необходимость вмешательства в хозяйственную жизнь с тем, чтобы, обеспечив приоритетную роль в экономике сферы малого бизнеса, привести ее в состояние истинного равновесия и достичь всеобщей социальной справедливости. Правда, вмешательство и соответствующие экономические реформы, по Прудону, следует инициировать “снизу” – трудящимися, а не “сверху” – государством, как у С. Сисмонди. При этом, пишет он, “речь идет ...вовсе не об уничтожении конкуренции, что так же невозможно, как и уничтожение свободы; все дело в том, – уточняет ученый, – чтобы найти равновесие, и я бы охотно сказал даже: регулирование (конкуренции)”⁷.

Не менее аргументированно и красноречиво, чем у экономистов-романтиков, очевидно критическое восприятие “закона рынков Сэя” в творчестве социалистов-утопистов. Сэевскому и прочим “естественным” индивидуалистским законам классиков они противопоставляют идеи об истинности “законов” коллективизма и социальной справедливости, ратуют за реформы и прочие ненасильственные социально ориентированные преобразования хозяйственного механизма, ниспровергающие либеральные принципы полного laissez faire “снизу” (Р. Оуэн, Ш. Фурье) либо “сверху” (К. Сен-Симон).

К примеру, стремясь доказать обоснованность такого рода идей не только теоретически,

но и практически (на личном примере), Р. Оуэн в период с 1799 по 1824 г., будучи “респектабельным владельцем хлопкопрядильной фабрики нового типа в Ланарке, Шотландия ... устраивал дешевое жилье для своих рабочих и школы для их детей, и боролся за то, чтобы убедить богатых и влиятельных людей в мудрости и практичности его планов по поводу устройства нового социального порядка”⁸.

Затем, пишет он, в жизни и творчестве Р. Оуэна имел место “следующий период - стадия неудачного строительства общин в штате Индиана, США, которая продолжалась с 1824 по 1829 г.”. И наконец, “с 1829 г. начался третий период, во время которого он был вовлечен в политику британского рабочего класса ... возвратился к экспериментам с общинами, но на сей раз в Великобритании”⁹.

В отношении критического восприятия либеральных идей классиков, включая “закон Сэя”, в работах К. Сен-Симона можно отметить, что его сочинения содержали, говоря словами М. Блауга, “три сильные идеи”, как-то¹⁰:

1) осведомленность об уникальной научной и технической революции его времени (он придумал термин “индустриализация”), возможности которой он оценивал лучше, чем большинство его современников;

2) мнение о том, что методы естественных наук можно расширить применительно к социальной сфере и что этой “позитивной науке”, как он ее называл, можно учить массы;

3) история характеризуется определенными стадиями развития, которые по существу носят идеологический характер.

“Закон рынков Сэя”, согласно экономическому учению К. Маркса и его последователей, - это одно из проявлений вулгаризации в буржуазной (классовой) идеологии, т.е. одна из попыток скольжения по поверхности реальных (объективных) экономических явлений, а следовательно, непонимание того, что “на место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием развития всех”¹¹.

Одновременно следует признать, что, “выступая против рассуждений Жана Батиста Сэя, - как пишет В.В. Леонтьев, - ...Маркс создал основополагающую схему, описывающую взаимосвязь между отраслями, выпускающими средства производства и предметы потребления”¹². Речь идет, в частности, во-первых, о широко известных ныне Марксовых аналитических размышлениях в его “Капитале”, отображающих различия между простым (экстенсивным) и расширенным

(интенсивным) типами воспроизводства. И во-вторых, о великолепно аргументированной критике вулгарной доктрины экономических кризисов, т.е. кризисов, обусловленных недопотреблением, вызываемым недостаточностью совокупного спроса для приобретения товарной массы по ценам не ниже издержек на их производство¹³.

Но, несмотря на то, что К. Маркс, в отличие от сторонников вытекающего из “закона рынков Сэя” идей кризисов недопотребления, доказал своей схемой воспроизводства возможность расширенного воспроизводства, его теория экономических циклов (теория кризисов) также не лишена определенных упущений, поскольку:

- в строгом смысле слова, в “Капитале” дана не столько теория кризисов, сколько каузальная (причинно-следственная) оценка накопления капитала и распределения доходов при капитализме, неизбежно приводящая к периодам “общего перепроизводства”¹⁴;

- все, что Маркс имел в виду, сводилось к точке зрения, будто капитализму присуща тенденция к непрерывному расширению производства безотносительно к наличию эффективного спроса, который один придает смысл этому производству¹⁵.

Таким образом, К. Маркс, отвергая “закон рынков Сэя” и настаивая на объективной неизбежности общих экономических кризисов в условиях экономики свободной конкуренции, тем не менее, будучи одним из либеральных экономистов, характеризовал эти кризисы как переходящие (без вмешательства государства и государственных мер регулирования экономики) явления, как “кара и очищение”, которые не могут остановить поступательное развитие капитализма до полного его впоследствии (в силу тех же “объективных законов”) саморазрушения и всеобщего перехода общества к социализму, а затем и, собственно, к коммунизму. Поэтому в контексте толкования экономических кризисов как периодических и переходящих явлений, не могущих безотносительно к наличию эффективного спроса оказать отрицательное влияние на присущую экономике свободной конкуренции тенденцию к непрерывному расширенному воспроизводству, К. Маркса (как и его последователей) представляется правомерным отнести к тем исследователям, которые скорее принимали, чем не принимали отвергаемый ими же “закон рынков Сэя”.

В дополнение к данному выводу, с нашей точки зрения, уместно привести некоторые, в духе “закона рынков Сэя”, либеральные суждения самого К. Маркса. Согласно одному из них, монополия и конкуренция через их “антагонизм”

по отношению друг к другу, через их “синтез” способствуют некоему “движению” и поддержанию “конкурентной борьбы”. В частности, К. Маркс в этой связи утверждает буквально следующее: “В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также их синтез, который является не формулой, а движением. Монополия создает конкуренцию, конкуренция создает монополию. Синтез заключается в том, что монополия может удержаться благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу”¹⁶.

Упоминание об “антагонизме” К. Маркс использует и в другом своем суждении, в соответствии с которым перманентное развитие “капиталистического производства” лишь периодически сопровождают “кризисы”. Данную, корреспондирующуюся с постулатами “закона Сэя” либеральную позицию К. Маркс излагает так: “Хотя капиталистическое производство и является самым производительным из всех прежних способов производства, тем не менее в результате своего антагонистического характера оно содержит в себе пределы производства, за которые оно постоянно стремится выйти, - отсюда кризисы, перепроизводство и т.д.”¹⁷

Весьма похожее суждение можно встретить и в высказываниях несомненного приверженца марксистского учения В.И. Ленина. К примеру, и он, подобно К. Марксу, отвергая “закон рынков Сэя”, тем не менее суть экономических кризисов трактует как временное и преходящее явление “нарушенного равновесия”. Данное суждение изложено им следующим образом: “При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время от времени нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике”¹⁸.

Известный последователь марксистского учения Г.В. Плеханов, как и В.И. Ленин, солидаризируется с К. Марксом в том отношении, что, вопреки толкованию Ж.Б. Сэя, экономические кризисы не возникают как случайные явления частного дисбаланса между совокупным спросом и совокупным предложением. Истинные же причины кризисов и пути их недопущения, по мнению Г.В. Плеханова, таковы¹⁹:

- капиталист попадает в нелепое, противоречивое положение: с одной стороны, конкуренция заставляет его применять возможно более совершенные способы производства; а с другой стороны, применение этих способов грозит переполнением рынков, кризисом, потерей барышей, разорением;

- когда капиталистические отношения производства уступят место социалистическим, тогда высокоразвитые производительные силы перестанут причинять “экономические землетрясения”, они будут покорными рабами людей, источником непрерывного роста общественного богатства;

- противоречие современных производительных сил с современными отношениями производства есть противоречие, свойственное современной экономической действительности;

- противоречие действительности с “теорией”, т.е. со взглядами людей, само является продуктом исторической диалектики общественной жизни;

- надо открыть законы этой диалектики для того, чтобы иметь возможность не только осудить действительность, но также указать исторические условия ее возникновения в прошлом и ее исчезновения в будущем.

Как видим, последователи марксистского учения и, в частности, В.И. Ленин и Г.В. Плеханов в своем критическом восприятии “закона рынков Сэя” в сущности солидаризируются с К. Марксом не только в той части, что, отвергая этот “закон”, восстановление нарушающегося в период экономических кризисов равновесия между совокупным спросом и совокупным предложением считают возможным без вмешательства в хозяйственную жизнь государства, но и в той, из которой следует, что якобы апокалипсис капитализма неотвратим в силу объективного характера “законов” данного “способа общественного производства”. При этом вполне очевидно и то, что для доказательства своей правоты они тоже использовали “продуманный и изощренный аппарат, сконструированный Марксом”, суть которого, по Блаугу, такова: “Что реально действовало на людей и убеждало, так это местами просто блестящая риторика на страницах (сочинений К. Маркса. - *В.О.*), которые, вместо скучных абстракций, содержали живые описания нищеты рабочего класса при капитализме и апокалипсические предсказания неизбежного краха капитализма с той безапелляционной уверенностью, которая вообще свойственна предсказаниям из области естественных наук”²⁰.

¹ См.: Ядгаров Я.С. История экономических учений: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 227-228.

² Сисмонди Ж.С. Новые начала политической экономии в его отношении к народонаселению: в 2 т. М., 1937. Т. 1. С. 150, 291, 360.

³ Там же. С. 139, 314, 316, 317.

⁴ Сисмонди Жан Шарль Леонард // Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. СПб., 2005. С. 274-275.

- ⁵ Сисмонди Жан Шарль Леонард. С. 274-275.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Прудон П. Система экономических противоречий, или Философия нищеты. Цит. по: Маркс К. Нищета философии. Ответ на "Философию нищеты" П. Прудона. М., 1941. С. 123.
- ⁸ Оуэн Роберт // Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. С. 231.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Сен-Симон Клод Анри де Рувруа // Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. С. 270.
- ¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 447.
- ¹² Леонтьев В.В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990. С. 105.
- ¹³ Ядгаров Я.С. Указ. соч. С. 185.
- ¹⁴ Там же. С. 186.
- ¹⁵ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 234.
- ¹⁶ Маркс К. Нищета философии. Ответ на "Философию нищеты" г. Прудона. С. 129.
- ¹⁷ Маркс К. Экономическая рукопись 1861-1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 48. С. 20-21.
- ¹⁸ Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Полн. собр. соч. Т. 26. 1997. С. 353.
- ¹⁹ Плеханов Г.В. Политические и политико-экономические взгляды Н.Г. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский (книга вторая). СПб., 1910; Плеханов Г.В. Сочинения. Т. VI / под ред. Д. Рязанова. Изд. 2-е. М.; Л., 1925. С. 235.
- ²⁰ Маркс Карл Генрих // Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. С. 202-203.

Поступила в редакцию 07.03.2010 г.